

Необходимые пояснения

Ниже приведены выписки из воспоминаний Александра Анемподистовича Калачева, моего прадеда, написанных в 1962 году в Ленинграде. Воспоминания в полном объеме не опубликованы, только части.

В выписках речь идет сначала кратко о происхождении Анемподиста Васильевича Калачева, а затем о периоде жизни семьи Калачевых в Таре, в 1880-х годах. Семья состояла из Анемподиста Васильевича Калачева, его жены Елизаветы Петровны (ур. Качка) и их четверых детей: Александра, Елизаветы, Калерии и Бориса. Пятый ребенок, младенец Володя, родился и умер в Таре. Следует учитывать, что автору воспоминаний в период его жизни в Таре было около 10 лет.

В дальнейшем А.В. Калачев работал в Омске, затем в Петербурге.

Умер Анемподист Васильевич Калачев 5 сентября 1898 г., находясь в командировке в Уфе, от припадка грудной жабы.

Владимир Харитонов

...

Со стороны моего отца, Анемподиста Васильевича Калачева, моими предками были сибирские казаки из Алтайского края.

...

Малограмотным, но, несомненно, способным и талантливым был мой родной дед по отцу, Василий Спиридонович Калачев, родившийся в 1804 г. Мой дед начал свою военную службу простым рядовым казаком, но уже скоро он дослужился до командирского звания – есаула 9-го Сибирского полка. В бытности хорунжим – младший офицерский чин – он ведал казачьим общественным рыболовством на реке Бухтарме, впадающей в Иртыш. В звании сотника (следующий офицерский чин) он был административной главой своей станицы.

...

Анемподист Васильевич родился в Алтайской станице 1 ноября 1847 г.

Рано потерял мать, двенадцати лет лишился и умершего отца.

Еще при жизни Василия Спиридоновича он был отослан в Омск для определения воспитанником в Сибирскую военную гимназию, в дальнейшем переименованную в кадетский корпус. По окончании корпуса был откомандирован в Петербург в Павловское военное училище¹.

В чине старшего хорунжего в 1868 г. был командирован на службу в Сибирское казачье войско. Анемподист Васильевич, как большинство передовой молодежи того времени, тяготился военной службой, беспроектной и жестокой по отношению рядовых казаков. Он старался пополнять свое образование чтением. Через некоторое время ему удалось получить командировку в Петербург для поступления вольнослушателем в Университет. В это время Анемподисту Васильевичу было 26 лет.

...

В 1875 г. пришло из Омска от Казачьего начальства извещение о полном увольнении Анемподиста Васильевича от военной службы и о присвоении ему при отставке звания сотника Казачьего Войска.

...

Помню, как удивились мы, дети, когда мама сказала нам, что наш папа скоро уедет в далекую Сибирь на новую должность. Папа должен сначала устроиться в Сибири, и только тогда мы сможем поехать к нему.

...

В Тару мама купила билеты 2-го класса, и мы поехали уже не на палубе, а в теплой каюте. Из экономии кушали свою провизию, покупая на пристанях жареную рыбу, молоко, сметану. Нам, детям, весело было

¹ А.В. Калачев, юнкер – выпускник 1-го военного Павловского училища 1866 г., располагавшегося тогда в Меншиковском дворце, СПб, В.О.

ехать к отцу, которого мы за год разлуки не забыли...

Иртыш – широкая, многоводная река. На пристанях при остановках пароход грузил необходимые дрова для топки котлов. Пассажиры в это время покупали рыбу, еще живую, которую потом пароходный повар за небольшое вознаграждение варил в своем котле. Села по Иртышу славились своими богатыми пирогами, вареными пельменями. Незаметно прошли двое суток пути, и мы увидели город Тару на берегу Иртыша. Там, на пристани, и встретил нас наш дорогой папа...

Года нашей жизни в Таре

Тара – небольшой в те времена городок на левом возвышенном берегу многоводного Иртыша. В средние века Тара была одним из населенных мест сибирского татарского царства, когда-то завоеванного легендарным Ермаком Тимофеевичем. Город Тара был основан русскими казаками в 1594 году на берегу реки Тары, впадающей здесь в Иртыш. Старина чувствуется в Таре. Три старых церкви с колокольнями толстостенными, снабженными узкими оконцами для ружейной защиты от врагов. В церквях старинные многовековые иконы с изображением святых и грешников, объятых пламенем ада. Низкий каменный толстостенный рынок. Площади, мощенные плитами, где собирался народ выслушивать грамоты московских царей.

В городе всего две главных улицы, заросшие травой: одна – к рынку, другая – к старому кладбищу. Дома деревянные с обширными дворами, сараями и банями.

Помню городской сад, никем не посещаемый, кроме мальчишек, заросший бурьяном. В городе всего три жилых дома из кирпича: Пятковых, о них я буду многое вспоминать, купчихи Щербаковой – богачихи, на зиму уезжающей в Париж, и купца – фамилию я забыл. Он был известен в городе как любитель старинных старообрядческих книг. Казенным каменным домом был острог для

преступников, отбывающих наказание. Жители Тары промышляли кустарным промыслом – делали из шерсти валенки, дубили овчину, в тайге, которая была вблизи города, охотились, собирали кедровые орехи, отсылали их на подводах на Ирбитскую ярмарку.

Приезд из Петербурга моего отца, как чиновника по крестьянским делам, был большим событием. До этой реформы сибиряками-крестьянами ведали исправники и становые, обычно большие взяточники и самодуры. О большой замечательной деятельности моего отца в Таре и в дальнейшем в Омске мне придется рассказывать много.

Возвращаясь к нашим семейным делам. Наш папа нашел для нас удобную квартиру и уже успел купить необходимую обстановку. В нашей спальне-детской уже стояли четыре кровати. Вскоре мама убедилась, что жизнь в Таре удивительно дешева. На рынок крестьяне вдоволь привозили мясо, дичь, муку, крупу. Овощей было мало, крестьяне овощи не сажали, было масло, сметана, но не было свежего молока, к огорчению нашей мамы. Оказалось, что жители Тары, владельцы своих домов и домиков, всегда имеют своих коров, стоимость которых была более чем доступна. Отец вскоре подарил нашей маме корову, и вновь нанятая кухарка доила ее два раза – утром и вечером. Мы с восторгом пили только что подоенное молоко. Извозчиков в городе не было, и нашему папе пришлось вскоре купить и лошадь, правда, крестьянскую, но зато смирную. Были куплены длинные дроги, в которые садились спина со спиной. Кучер получал всего 3 рубля в месяц жалования. Он тоже оказался простым стариком из ссыльных. В свое время он был монахом и служил у архиерея где-то в России. Наша мама, к ее удивлению, оказалась владеющей большим хозяйством, в дальнейшем и огородом.

Все же главная работа мамы была с нами, детьми. Мама начала учить грамоте Лизочку и даже, шутя, Борю.

Мы, дети, жили дружно и весело. Вскоре у нас появились и знакомые дети. Мама считала, что нам следует приучаться к об-

щительности и иметь друзей. Такими друзьями на много лет сделались две девочки Пятковых, Таня и Саша.

О Пятковых расскажу несколько подробнее. Когда-то в молодости Михаил Федорович Пятков, отец Тани и Саши, был служащим приказчиком у богатого сибирского купца Немчинова, торговавшего китайскими чаями в оптовом порядке. Михаил Федорович ежегодно ездил в Китай и сопровождал караваны с чаем через пустыни и горы. Он был честным, энергичным человеком, хорошо научился говорить по-английски, стал культурным человеком. Немчинов выдал за него замуж свою дочь Елизавету Яковлевну. Каждой дочери при выходе ее замуж Немчинов выделял ровно один миллион рублей в виде приданого. В те времена миллион рублей был громадной суммой. В дальнейшем Михаил Федорович переехал с женой из Иркутска в Тару, где у него был старинный дедовский дом. В этом доме и стали мы, дети, по воскресеньям бывать у Пятковых.

С девочками Таней и Сашей мы быстро подружились. Таня в детстве была хорошенькой девочкой с длинными кудрями и голубыми глазами, Саша была чернушкой со стриженными волосами и красивыми черными глазами. Обе были веселые, приветливые девочки, и мы любили друг друга. У меня была первая неоформившаяся влюбленность в Таню, о которой, конечно, никто не догадывался. У девочек Пятковых была гувернантка – старая девица мисс Вуд, англичанка, выписанная из Лондона. Она ввела в доме Пятковых много английских порядков. Обедать собирались по звонку, одетые всегда в парадную одежду. Говорили за столом по-английски. Многие дорожие яства – консервы, конфеты, вина выписывались из Москвы. Железной дороги тогда не было. Грузы попадали в Сибирь обозами на лошадях.

Наша дружба продолжалась и после нашего переезда в Омск, отсюда за 300 верст мы ездили в гости к Пятковым на Рождество. Елизавета Яковлевна Пяткова посыла-

ла за нами большую кошевую (сани), теплые меховые дохи. Одетые тепло, в санях мы не боялись 40-градусных морозов. Рождественские святки проходили очень весело в Таре, в доме Пятковых.

Забегая далеко вперед, расскажу о дальнейшей судьбе Пятковых. Когда девочки Таня и Саша подросли, их родители на зиму стали уезжать в Москву. Михаил Федорович и Елизавета Яковлевна умерли в Москве – еще до революции. Таня сначала вышла замуж за богатого пароходовладельца на Иртыше – Игнатова, но потом развелась с ним. Саша Пяткова вышла замуж за инженера, иностранца шведа, который имел завод сел.-хоз. машин в Омске. Революция полностью отняла состояние у Пятковых, и к моему горю я потерял с ними всякую связь. Мир праху Михаила Федоровича и Елизаветы Яковлевны, они не испытали трудности революционных лет.

Моей маме и мне в дальнейшем было хорошо известно, какими добрыми людьми были Пятковы, сколько добрых дел они выполнили в старой Таре и в Москве. Многие, многие долго помнили об них как об отзывчивых, высококультурных людях.

Возвращаясь к своим детским и отроческим годам, проведенным в г. Таре. Довольно отчетливо помню болезнь и смерть моего маленького брата Володи, родившегося уже в Таре. Он захворал злостной скарлатиной и умер на руках у своей мамы девятимесячным младенцем. Горе моих родителей было безмерно. Каждую субботу мы ходили на его могилку. Летом мама из цветов полевых плела веночки, и мы вешали их на крест, поставленный на могиле. Много лет спустя уже в Петербурге Саша Пяткова написала нам, что она, посетив Тару, не забыла о могилке Володи и поставила на ней новый крест... Это бесконечно растрогало тогда нашу маму...

Вспоминаю наши поездки за грибами в дремучую, недалекую от Тары тайгу. На лето папа нанимал нам дачу – крестьянскую избу в селе, лежащем у окраины тайги. В тайгу мы уезжали на своей лошади, запряженной

в длинные дроги. Въезжали в дремучий лес, пока позволяла тропа, до большого скопления вековых кедров. Лошадь распрягалась, но она вела себя беспокойно, все время прислушивалась к звукам тайги. Случилось, что она задрожала всем телом. Наш старый кучер Михаил Иванович объяснил, что лошадь почуяла вдали медведя. Мама собрала нас в кружок возле себя. Но медведь редко нападает на людей. Наш медведь, вероятно, подошел близко, но, усмотрев людей, не стал нападать на нашу лошадку. Часто наш кучер, Михаил Иванович, залезал на высокий кедр и сбивал с него спелые шишки, полные кедровых орехов. Попутно из кармана он вынимал куски кедровой смолы, которую сибиряки так любят жевать. Эта смола хорошо очищает белые зубы сибиряков.

Любили мы также выезжать на берег Иртыша. На холмистых берегах росла в изобилии клубника, было много дикой сладкой малины. Мы брали с собой яйца, хлеб, молоко и целый день проводили на берегу красивца Иртыша.

Под осень все просеки кругом нашей дачи были полны грибами. Мама приветствовала сборы грибов. Их в большом количестве сушили на зиму.

...

Уже через самое короткое время мой отец начал пользоваться особым уважением у постоянных жителей Тары, особенно после того как моему отцу удалось поспособствовать устройству народной библиотеки. До приезда отца библиотеки не было в городе, не было и книжных магазинов. Газету выписывали только как редкость, тем более что газеты из Петербурга доходили до Тары только через полторы недели. Мой отец по своей инициативе вошел в переписку с богатой сибирячкой Базановой², рассказал ей о горе тарян и просил помочь деньгами. Базанова быстро откликнулась на письмо отца и прислала в Тару на покупку книг тысячу рублей. Радости жителей Тары не было преде-

лов. Через месяц из Москвы и из Петербурга пришли выписанные книги для библиотеки. Была подыскана квартира, и библиотека зажила...

Моя мама начала пользоваться большим авторитетом как воспитательница своих детей. Мы росли удивительно дружно, весело, без капризов и излишнего баловства. Наказания у нас не применялись, мама воспитывала в нас послушание и волю. Соседи не раз заходили к нам посмотреть на наши дружные игры, поговорить о своих печалях с отзывчивой к чужому горю нашей мамой.

Мы, уже взрослые дети, не раз слушали от мамы, в чем состоит суть ее воспитательной системы. Мама говорила, что понятие «нельзя» имеет огромный смысл. У людей высококультурное понятие «нельзя» преобладает в течение всей жизни. Нельзя воровать, обманывать, обижать, вредить людям. Нельзя не соблюдать принятых правил общечеловеческого поведения, нельзя быть грязным, неопрятным, нельзя портить что-либо из глупой шалости и пр. Необходимо приучить себя не делать того, что вредно и противно другим. Запрет делать дурное должен войти в бессознательную привычку детей и не тяготить их.

Зато детям позволено проявлять свою волю и настойчивость в том, что не вредит другим людям. Любая детская шалость должна быть веселой, но не глупой. Мама своей системой воспитала в нас, прежде всего совесть, а затем и волю.

Расскажу, воспитывала ли мама религиозное чувство у нас детей. Мама верила в Бога, но считала его не грозным владыкой мира, а общим отцом людей, любящим своих детей. О таком добром Боге и Иисусе Христе мама имела твердое понятие. Одну молитву – «Отче наш» – мама очень любила.

Церковных обычаев у нас не соблюдалось, но на страстной неделе мама рассказывала нам, как Христа, который учил людей

² Юлия Ивановна Базанова (1852–1924) – почётная гражданка Москвы и Иркутска, «московско-сибирячка – друг студентов».

любить друг друга, злые фарисеи распяли на кресте, но он Богом был воскрешен и ушел от людей на небо. Мама на страстной неделе водила нас в церковь, и мы видели там, с каким глубоким благоговением стояли в церкви люди, слушая о страданиях Христа. Когда мы подросли, мама водила нас в 11 часов ночи к заутрене встречать Пасху. Трогательное воспоминание, как мы христосовались, до сих пор живет в моей памяти. В Таре было в обычае в Воскресение на Пасхе приходить христосоваться даже мало знакомым людям. Для приходящих гостей мама готовила обильное угощение – пасху из творога, куличи, крашеные яйца и многое, многое другое. Во всех обычаях страстной и пасхальной недели было много теплоты и поэзии. Всю Пасху над Тарой гудели старые многоголосые колокола на средневековых колокольнях.

Все было хорошо в нашей дружной семье, но беспокойство и мысли о необходимости учить меня математике не давали покоя ни моему отцу, ни матери. Пора было определить меня в гимназию, но куда?! Ведь в Таре было только начальное училище.

После долгих колебаний родители мои пришли к выводу о необходимости оторвать меня от семьи и зимой послать учиться в омскую гимназию. Моя мать хорошо понимала необходимость такого решения. Прошел июль, половина августа, и пришел день отъезда меня и сопровождающей меня мамы в далекий Омск.

...

Официальная должность отца была – чиновник по крестьянским делам местного населения и переселенцев из России. Земства в Сибири не было, и отец должен был наблюдать за деятельностью волостных крестьянских старшин, крестьянских судов, помогать переселенцам в отводе им земельных участков без обиды для крестьян-сибиряков. Отец понимал свою работу гораздо

шире. Он содействовал постройке в селах школ для крестьянских детей, церковей для заброшенных далеко переселенцев. Особо он заботился о подъеме земледелия у крестьян на более высокий уровень. Для этого он организовал несколько складов плугов для замены ими дедовских деревянных сох, сеялок, молотилок. Хозяйство у сибирских крестьян было связано с обилием земли у каждого крестьянина. Два, три года он пахал на одном месте, затем переходил на целину и снова оставлял пашни отдыхать несколько лет. Удобрений никаких не было. Если весна и первая половина лета были с дождями, урожай был обеспечен, и хлебом можно было запастись на 2-3 года. Если дождей не было, от засухи при мелкой вспашке земли рожь и пшеница подсыхали, и наступал неурожай.

Эти явления мне пришлось как раз наблюдать в районах, которые теперь принято называть целинным краем.

Особенно много у сибирских крестьян того времени было скота – коров, лошадей, овец, птицы. Но коровы давали мало молока. Все же в деревнях было много заготовленного топленого масла, которое скупалось у крестьян и отправлялось в Петербург. Жили крестьяне весело. Каждый церковный праздник сопровождался повальным пьянством сивухи, плохо очищенной водки, местного винокуренного завода.

Крестьяне очень любили и уважали моего отца. Один из поселков, в память добрых отношений, по ходатайству крестьян разрешено было назвать «Калачевский»³ в честь отца. Когда в дальнейшем стало известно об отъезде в Петербург на новую работу, к отцу из ряда волостей приехали ходоки с благодарственными адресами и с прощальными пожеланиями. Один из таких торжественных адресов, поднесенных отцу волостными писарями, я бережно сохраняю, как священную память о моем отце.

³ Посёлок Калачёвский, основанный в 1893 году, назван в честь Анемподиста Васильевича. Ныне деревня Калачёвка в Саргатском районе Омской области, расположена рядом с трассой Омск – Тара, в 92 км к северу от Омска.